

2 - июль 1976,

„КОМСОМОЛЕН ТАДЖИКИСТАНА“
г. ДУШАНБЕ

Орбита молодых

Талант многогранный и яркий

Заслуженная артистка республики Сайрам Исаева, работающая в Ленинабадском театре им. Пушкина, безусловно, одна из лучших драматических актрис Таджикистана. Об этом свидетельствуют и полтора десятка ее киноролей, и, главное, роли театральные, позволяющие пристальнее и четче, по сравнению с кино, взглянуть на ее творческую индивидуальность. Подтверждение тому — участие С. Исаевой в трех спектаклях, которые показал Ленинабадский театр на гастролях в Душанбе.

В мольтеровском «Мещанине во дворянстве» С. Исаева играет роль служанки — Николь. Образы слуг в произведениях западной классики — особый и благодатный материал для артиста. Это — ироничный рупор идей автора, выражение народного духа пьес. Слуг с превеликим удовольствием воплощают на сцене такие известные артисты, как З. Славина, В. Лановой, Ю. Соломин, Л. Дуров и другие.

В игре актрисы видны, как и у этих мастеров, те же театральные безоглядность, острота, импровизационность, то же «купание» в роли, отточенность ее пластических характеристик. Николь С. Исаевой в спектакле — самый здравомыслящий и самый раскованный человек — хозяйки Николь — тоже нет никакой «пелены на глазах», в отличие от ее муженька, но в здравомыслии Николь по отношению к Журдену видно бесовское, поджигвающее, активное начало.

У Николь, однако, не только острый язык, веселость, неутомимость движений — у нее горячее сердце. Правда, на лирические откровения ироничная, вертлявая и простоватая Николь не претендует; они — привилегия дочери хозяев и ее жениха. Мало того, что героиня С. Исаевой прекрасно понимает «страдания» этих молодых людей, добываясь счастья для них, и также «с сердцем» осуждает глупые потуги Журдена. Николь любит, Николь любима, и С. Исаева добавляет к ее харак-

теристике черточки грубоватой, «своей» нежности.

В комедии М. Назарова «Крушение обычаев» С. Исаева вновь идет от полноты, полнокровности создания образа. Правда, и популярная тема отцов и детей, тема целых обычаев старины и их современного крушения, и грубовато-фарсовая форма спектакля, и роль анахроничной тетюшки Оят — все толкало актрису к прямоте, резкости, даже пародийности изображения своей героини. Что ж, острая театральность «поставила на место» и внешнюю основательность Оят, и ту истовость, с какой она отстаивает позавчерашние понятия. С. Исаева наделила Оят валькирийской, переваливающейся походкой, сытым самодовольством хозяйки дома, нагловатой вкрадчивостью при решении вопросов, пока что второстепенных, и бурным, не терпящим возражения натиском, когда требуется немедленно повернуть события.

Что же лежит в основе всех «экстравагантностей» Оят, всех ее криков, уговоров, обмороков, ее ханжеской улыбочки, сбивающей с толка нахрапистости? Лежит, актриса доказывает, безудержный эгоизм, желание ни за что не упустить бразды домашнего правления из собственных рук. Как это так: ее дети выбирают себе в спутники жизни кого угодно, то есть, тех, кого не хочет Оят, да и мужих в таком выборе поощряет. Для чего же тогда сама Оят, уважение к ней? Тут крушение не только обычаев — чего бы они стоили, если бы их не сверхревносительно защищали люди типа Оят, имея виду выгоды и привилегии, прежде всего личные. Оставаясь в рамках традиционной таджикской комедии и в то же время выходя за них, С. Исаева показала нам не только, какую-то конкретную Оят. Она создала типичский образ.

Робия Балхи С. Исаевой (спектакль по пьесе А. Атабаева «Неоконченная песня») вся в беде: цвете и радости, и печали. Конструкция пьесы тяжеловесна, спектакль это свойство подчеркнуто охраняет —

неторопливостью ритма, статуарностью мизансцен. Все постоянно и прочно в мире спектакля, все пребывает в раз и навсегда заведенном братом Робии, правителем Харисом, порядке. И потому не исследованной причин непохожести Робии и Хариса заняты актеры и режиссер. А показом, как при такой несовместимости Робия чувствует себя, как «светлая печаль» ее гармонического и поэтического мироощущения реагирует на несовершенство окружающего. Одухотворенная Робия С. Исаевой выглядит «не от мира сего» рядом с невежеством и раболепием большинства придворных. Вернее, заведенные порядки не соответствуют истинным и вечным понятиям человечности, разума. Робия родилась много раньше своего времени, чтобы реально повлиять на ход событий в Балхе. Но Робия родилась как раз вовремя, чтобы доказать, что человек в самых неблагоприятных обстоятельствах должен оставаться человеком. Контраст идеала и действительности, свою боль, свою жизнь Робия обращает в поэтические строчки, в яркие, пронзительной силы образы. Поэзия — еще не сама жизнь, да в том-то и трагедия чистой, умной и справедливой героини С. Исаевой, что Робия, достигнув совершенства в поэзии, была лишена возможности делать и видеть столь же совершенную жизнь...

Профессионализм, дарование, несхожесть, почти «полярность» ролей С. Исаевой явно мешают закрепить своеобразие актрисы в каких-то готовых, окончательных формулах. Да это и не надо: талант актерского перевоплощения всегда неожидан, горизонт его широк и при прогнозах труднообозрим. С. Исаева живет в театре особым, подлинно сценическим временем, мастерски додумывает и «доигрывает» роли, при чтении кажущиеся особо не примечательными. Все это — самый верный залог новых радостных встреч с героинями актрисы.

К. КОНСТАНТИНОВ.